

Всякий раз, когда я иду в этот дом на Сухаревской, ожидаю увидеть чудо... Впрочем, какое чудо? Речь о мемориальной доске на доме, где жил любимый многими поколениями актер, певец — Марк Бернес. Здесь рождались его песни и образы, отсюда он отправлялся в гастрольные поездки по всей стране, в этот дом возвращался — радостный и усталый, соскучившийся по Москве и по своей, как он говорил, крепости, двухкомнатной квартире на пятом этаже, окнами на Садовое кольцо...

Но никаких следов жизни Бернеса здесь я снова не нахожу. И значит, с его женой, Лилией Михайловной БЕРНЕС-БОДРОВОЙ, мы опять начнем разговор с того, что дело (о чем уже писал «Труд»), увы, ни с места...

ДОМ НА СУХАРЕВСКОЙ

В ГОРОДЕ, ВОСПЕТОМ МАРКОМ БЕРНЕСОМ, НИЧТО О НЕМ НЕ НАПОМИНАЕТ

— Это какой-то рок, — говорит Лилия Михайловна. — Он преследует Марка. Марк умер в субботу, а в понедельник должен быть Указ о присвоении ему звания «Народный артист СССР». Посмертно этого звания не дают. И теперь вот с доской... Когда было наконец решено, что ее поставят, и скульптор уже приступил к работе, нагрянула перестройка. В Комитете по культуре Москвы сказали: «Людам, извините, есть нечего, а вы с досками...». Я подумала: ну, наверное, это так. Не вовремя. Подожду. И дело заглохло на семь лет.

В этом году я опять за него взялась. И теперь боюсь говорить что-либо определенное. Чтобы не сглазить. Скульптор поработал прекрасно. Доска с чудным портретом Марка — доброе лицо, обаятельная, с хитринкой в глазах, улыбка. Но дальше... Выяснилось, нет денег выкупить доску из отливки.

— Нет — у кого?

— В свое время занимался Госкомитет по кинематографии. Теперь этот вопрос решается на уровне Комитета по культуре Москвы и министра культуры России. Вроде бы обещали, что доска будет установлена к 85-летию Бернеса, 8 октября нынешнего года. Но сейчас опять перестановки в правительстве, смена кабинета министров... Все дела «заморожены».

— А частных спонсоров у вас нет?

— Конечно, нет. Хотя было бы приятно, если бы кто-нибудь отозвался. Ведь это нужно не мне, а городу, людям. На благотворительный вечер в этом году его поклонники пришли с программками и афишками многолетней давности. Марк Бернес для них — молодость, воспоминания, которые нельзя вычеркнуть из жизни. Вот почему еще мне так важно закончить эту работу. Мне, наверное, станет легче, когда это произойдет.

— В вашем доме бывали многие именитые люди...

— Да. Марк Наумович любил умных людей. Но обширного круга не было. Приходили Френкель, Колмановский, Кармен, Фрез... Здесь они и работали. Были еще друзья, которые связывали Марка с молодостью...

Не могу сказать, что Марк близок был с Евтушенко, но Женя тоже бывал у нас. Песня «Хотят ли русские войны?» создавалась здесь. И «На смерть Кеннеди», которую потом запретил Хрущев, — в этом же кабинете. Как-то позвонил Володя Высоцкий: «Марк Наумович, хочу к вам зайти». Сидел часа два и пел. В то время он выступал нечасто и предложил Бернесу исполнять его, Володины, песни. Марку он очень нравился, и стихи нравились. Он предложил показать их композитору. На что Высоцкий ответил: «Нет». Но одну песню «На братских могилах не ставь крестов» Бернес все же спел.

Теперь из тех, кто был близок Марку, остался только Костя Ваншенкин.

А в нашей квартире мало что изменилось. Разве что цветы выросли... Портреты в прихожей висят на своих местах. И пианино то же. Костя Ваншенкин мог бы рассказать, как здесь рождалась песня «Я люблю тебя, жизнь». Были длинные стихи, в которых Марк нашел замечательные слова «И надеюсь, что это взаимно» — и взялся сокращать текст. Собственно, на той песне они и сошлись с Ваншенкиным.

«Журавли» создавались уже на моих глазах. Из стихов об аварском народе Бернес сделал песню, близкую каждому человеку. Здесь, в кабинете, который был одновременно нашей гостиной (и спальней тоже), они спорили с переводчиком, отстаивая каждый свое. А потом «догадались», что рассудить их может только Расул Гамзатов...

У этого пианино гости засиживались за полночь. Мне даже пришлось перегородить кухню, оборудовать себе там спальное место. Нас ведь в этой квартире было пять человек: двое детей, мы с Марком и домработница.

— Москва — родной город Марка Бернеса?

— Он считал его родным, а вообще-то родился в Нежине, на Ук-

раине. В Москву приехал в 17 лет.

— У вас были с ним любимые места в Москве?

— Я вообще очень люблю свой дом, и Москву, как дом, называю «своей крепостью». Но столько было работы, поездок, что не до прогулок по любимым местам. Очень тяжело зарабатывались деньги на жизнь. Нужно было много ездить по всему Союзу, чтобы их заработать.

Марк тоже любил наш дом, гостиницы не доставляли ему удовольствия — особенно если что-то там было не в порядке. Мы ездили вместе, я вела все его концерты и встречи... Вот почему говорю, что он народный любимец, — я это видела. Мы однажды застряли в пути под Куйбышевом, на полтора часа задержали встречу — и все ждали, не расходились.

Марку было все равно, где петь: в концертном зале «Россия» или в заводском клубе. Он полностью выкладывался, после концерта бывал без сил! Мы ведь тогда не знали, что он уже болен. А ему с каждым днем все труднее было работать. Он говорил мне: «Лилия, я теряю силы». Но покуда сам не узнаешь, что это такое, другого не понимаешь...

Я видела, как люди слушают его. До них доходило все, что он исторгает из своего сердца. А в самых верхах, в правительстве, Марка не понимали. Так же, как Галича, Высоцкого. Его называли «микрофонным» певцом — считалось, что нужен сильный голос. У него была ставка не певца, а «разговорника» — 15 рублей 50 копеек за выступление...

— А чем вы объясняете, что Бернес снова возвращается в нашу жизнь?

— Появился, на мой взгляд, интерес к забытому. Марк Наумович — увы, ретро. И потом... Под его песни многие сейчас вспоминают молодость. А молодость всегда вспоминается с радостью. Кажется, что тогда все было лучше. Но это — кажется. Все мы были в узде. Нам многое просто не разрешалось. Марк все это испытал... Вы знаете, например, что была запрещена песня «Враги сожгли родную хату»? Бернес спел ее в Лужниках — под свою ответственность. И какой потом был шквал писем на телевидение — с благодарностью от народа...

— И что же, теперь в Москве ничто не напоминает о его жизни? Улицы Марка Бернеса, я знаю, нет...

— В Москве — ничего. Разве что его имя значит в аллее звезд у гостиницы «Россия». А вообще есть планета... Малая планета, названная «Бернес». Но это свидетельство космического увековечения. Не земного...

Нина ФОКИНА.

Фото из семейного альбома.